

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.8>

UDC 902:929(470+571)

LBC 63.48(2)

Submitted: 04.05.2025

Accepted: 24.10.2025

**PAVEL S. RYKOV AS DIRECTOR OF THE SARATOV MUSEUM OF LOCAL LORE
AND PROFESSOR OF ARCHAEOLOGY IN 1924–1925
(BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)**

Yulia G. Kokorina

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is of a historical and scientific nature. Research on the history of archaeology is not merely of academic interest; it also contributes to the development of a civic position among Russian scientists through specific examples, which determines the relevance of this work. The biography of Pavel S. Rykov, an outstanding archaeologist and local historian and one of the founders of the archaeological school at Saratov State University, serves as one such example. The novelty of this work lies in the introduction of new archival materials into scientific circulation, allowing us to view Pavel S. Rykov not only as an archaeologist and organizer of regional museum studies but also as a talented professor. An examination of previously unexplored historical sources shows that during the years of devastation following the Civil War, Pavel S. Rykov managed to ensure the museum's scientific activity, particularly the organization of archaeological expeditions and the publication of museum collection catalogues. Under his leadership, the museum carried out extensive educational work, including using archaeological materials. The pedagogical component of his work is reconstructed through a study of the guide to the archaeological department's collections that the scientist compiled for students. Pavel S. Rykov emerges as a faithful follower of his teacher, Vasily A. Gorodtsov, striving to teach his students the methodology of historical reconstruction, to provide them with the fundamental concepts of archaeological science, and to convey the characteristic features of each archaeological period in the region's territory. As a lecturer, P.S. Rykov was distinguished by his broad outlook, his familiarity with the latest achievements in world and Russian science, his gift for scientific foresight, and his emotional presentation style. Many of his students became renowned archaeologists, and it is regrettable that a number of representatives of the Saratov archaeological school, like P.S. Rykov himself, were unable to fully develop their talents, falling victim to unjustified repression.

Key words: history of archaeology, museum studies, higher education, Saratov, Pavel S. Rykov.

Citation. Kokorina Yu.G., 2026. P.S. Rykov kak direktor Saratovskogo kraevedcheskogo muzeya i prepodavatel' arheologii v 1924–1925 gg. (po arhivnym materialam) [Pavel S. Rykov as Director of the Saratov Museum of Local Lore and Professor of Archaeology in 1924–1925 (Based on Archival Materials)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 2, pp. 174–187. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.8>

П.С. РЫКОВ КАК ДИРЕКТОР САРАТОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИИ В 1924–1925 гг. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Юлия Георгиевна Кокорина

Московский политехнический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья носит историко-научный характер. Исследования по истории археологии имеют не только академический интерес. Они способствуют формированию гражданской позиции у российских ученых на конкретных примерах, что определяет актуальность данной работы. Среди таких примеров – биография Павла Сергеевича Рыкова, выдающегося археолога и краеведа, одного из основателей археологической школы Саратовского государственного университета. Ввод в научный оборот нового архивного материала, позволяющего рассмотреть личность П.С. Рыкова не только как археолога и организатора музейного дела в крае, но и как талантливого педагога, определяет новизну данной работы. Обращение к неизученным историческим источникам показало, что в годы разлуки после Гражданской войны П.С. Рыкову удалось обеспечить научную деятельность музея, в частности, проведение археологических экспедиций, а также издание каталогов музейного собрания. Под руководством П.С. Рыкова музей вел активную просветительскую работу, в том числе и с использованием археологических материалов. На основе составленного ученым путеводителя для студентов по фондам археологического отдела реконструируется педагогическая составляющая его деятельности. П.С. Рыков предстает как верный последователь своего учителя В.А. Городцова, стремящийся научить своих студентов методике исторических реконструкций, дать основные понятия археологической науки, представлять характерные черты каждого археологического периода на территории края. П.С. Рыкову как преподавателю был присущ широкий кругозор, информированность о новейших достижениях мировой и российской науки, дар научного предвидения, эмоциональный стиль изложения. Многие из его студентов стали известными археологами, и остается только сожалеть, что целый ряд представителей Саратовской археологической школы, как и сам П.С. Рыков, не смогли до конца развить свой талант, став жертвой необоснованных репрессий.

Ключевые слова: история археологии, музейное дело, высшая школа, Саратов, П.С. Рыков.

Цитирование. Кокорина Ю. Г., 2026. П.С. Рыков как директор Саратовского краеведческого музея и преподаватель археологии в 1924–1925 гг. (по архивным материалам) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 2. С. 174–187. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.8>

Введение

История археологической науки все больше привлекает внимание отечественных исследователей. И это не случайно: знакомясь с развитием науки в прошлом, современные ученые-археологи учатся понимать закономерности развития своей науки, объективные и субъективные причины, определившие состояние отдельных ее направлений в наши дни. Кроме того, знакомство с биографиями первых советских археологов позволяет ученым XXI в. не только адекватно оценить состояние археологии как науки в прошлом и настоящем, но и сформироваться как достойным гражданам своей страны, вдохновляясь

примером людей, жизнь которых представляла и научный, и гражданский подвиг. Поэтому данная работа представляется актуальной.

Одной из таких личностей, стоявших у истоков советской археологии, является Павел Сергеевич Рыков (1884–1942), творчество и биография которого все более привлекают исследователей, о чем подробно речь пойдет далее. Новизна данной работы определяется как хронологическими рамками в деятельности ученого на посту директора Саратовского краеведческого музея (в разное время носившего разные названия), так и новым ракурсом представления его личности не только как талантливого археолога и администратора, но и профессора, готовившего достой-

ную научную смену. Новизну данного исследования определяет также и вводимый в научный оборот архивный материал. Целью работы является раскрытие новых черт в научной и педагогической биографии ученого в контексте событий, происходивших в стране.

Материалы

Материалом для данного исследования послужили документы музейного отдела Главнауки Наркомата просвещения СССР, хранящиеся в отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве [ОПИ ГИМ. Ф. 54], в частности, связанные с деятельностью Саратовского государственного областного музея [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907]. Справки, сметы и отчеты музея за 1924–1925 гг. свидетельствуют, как будет показано далее, о широко ведущейся научной работе, качественном (насколько позволяла специфика эпохи) материальном снабжении, грамотной организации музейной работы. Документы в подавляющем большинстве случаев напечатаны без ошибок на пишущей машинке на хорошей бумаге, что было редкостью в первые годы после окончания Гражданской войны. Современному читателю кажутся странными многостраничные обоснования закупки лампочек «в 100 свечей» или указания на освещение одних отделов электричеством, а других – керосиновыми лампами. Но сквозь строки подробных отчетов и смет с просьбами о выделении средств на закупку дров или оплату экспедиций музея встает работа коллектива, стремившегося не только сохранить в непростые годы исторические ценности, но и расширять коллекции, заниматься наукой и просветительством. В новом ракурсе представляется и деятельность директора музея, подписывавшего все эти документы, – Павла Сергеевича Рыкова.

В ОПИ ГИМ хранится документ, представляющий нам П.С. Рыкова как педагога: «Краткий путеводитель по археологическому отделу Саратовского Областного Государственного музея (руководство для студентов педфака)» (далее – «Руководство»). Он являл собой текст, напечатанный на пишущей машинке через один межстрочный интервал с правками синими чернилами, сделанными,

видимо, автором, указанным на титульном листе, – профессором П.С. Рыковым. Документ содержит введение объемом одну машинописную страницу, далее разделен на главы, отражающие структуру отдела и логику построения экспозиции. Рядом с машинописным заглавием раздела «Золотоордынская культура» – надпись от руки синими чернилами: «описание составлено А.А. Кротковым» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 62].

Археолог А.А. Кротков (1866–1944) подвергался арестам ОГПУ в 1930 и 1935 гг., а в 1942 г. паспортный стол предписал ему покинуть г. Саратов [Малов, 2006, с. 6]. Таким образом, перед нами работа коллеги и соратника П.С. Рыкова, который также тратил труд и время на подготовку научной смены.

Введением в научный оборот нового исторического источника обусловлено обилие цитат из исторических документов, что призвано помочь читателю ощутить стиль и особенности того непростого времени. Анализируя «Руководство», мы не следуем строго логике изложения материала П.С. Рыковым, так как как наша цель – показать на примере этого документа черты Павла Сергеевича как педагога.

Историография работ, связанная с данной темой, распадается на два блока. Первый блок включает публикации, посвященные истории археологии и музейного дела в первые годы советской власти; второй блок содержит труды, раскрывающие творческую и личную биографию П.С. Рыкова.

К первому блоку относится фундаментальное исследование Л.С. Клейна, который, специально занимаясь проблемами периодизации советской археологии, указывал, что в работах первых послереволюционных лет она делилась на феодальную, буржуазную и пролетарскую (марксистскую) [Клейн, 2014, с. 17]. А.В. Арциховский в «Очерках по истории исторической науки (1955–1963)» описывал развитие археологии в соответствии с теорией общественно-экономических формаций. В.Ф. Генинг выделил первый этап от 1917 до 1929 г., который «связан с формированием советской археологии на новых организационных началах и собиранием основных научных сил» [Генинг, 1982, с. 15]. А.Д. Пряхин датировал первый этап в развитии археологии в России с 1917 до сере-

дины 1920-х гг. [Пряхин, 1986]. Г.С. Лебедев в качестве особого этапа выделил «становление системы археологического образования и ее деформацию под давлением политизирующих факторов (1922–1934)» [Лебедев, 1992, с. 423]. Л.С. Клейн выделяет особый этап 1917–1934 гг., называя его «археологией в революции и революцией в археологии» [Клейн, 2014, с. 59–61]. Неоднократно обращался к советскому периоду в развитии археологии А.А. Формозов, специальная работа которого [Формозов, 2004] неоднозначно оценивается в отечественной науке [Клейн, 2014, с. 23]. Исследователь, отстаивая «солженицынскую» позицию в оценке деятельности советских археологов, также выделяет первые десятилетия советской власти в особый период [Формозов, 2004, с. 45].

А.А. Формозов писал о новой особенности современных исследований по истории археологии, которая заключается в освоении архивов. В 2015 г. вышла статья И.А. Сорокиной, посвященная организации государственного управления культурой и наукой в 1921–1925 гг., основанная на архивных материалах [Сорокина, 2015].

Об интересе российского научного сообщества к изучению истории науки первых лет советской власти говорит новая книга В.А. Шнирельмана [Шнирельман, 2024]. Он выделяет в особый период формирования этнополитической истории время с 1917 до конца 1920-х годов. Одна из целей указанного издания – выявить истоки изменения позиции властей по отношению к настроениям, существовавшим в этнографо-археологическом научном сообществе. Примыкает к этому историографическому блоку и выпуск сборника «Музей и власть» [Музей и власть, 1991], который содержит очерк, посвященный государственной политике в области музейного дела в 1917–1941 годах. В нем в качестве отдельного этапа выделены 1918 – середина 1920-х гг. как период организационного обеспечения музейной политики и создания первых программ музейного строительства.

Несмотря на растущий интерес к истории археологии вообще и советской археологии в частности, неоднозначность оценок и суждений, в этой области остается еще много белых пятен. Немало неизвестного и в истории саратовской археологии 1918–1940 гг., в частности, как

отмечает ее исследователь Н.М. Малов, не ясна история учреждений, в рамках которых развивалась археология этого периода. «Вероятно, по политическим мотивам несколько десятилетий в советской региональной историографии исторической и археологической науки их деятельность в СГУ освещалась очень кратко (Баллод, Рыков) или совсем не упоминалась (Захаров, Башкиров)» [Малов, 2006, с. 8].

Во второй блок входят работы, посвященные жизни и деятельности П.С. Рыкова. Самый подробный список приводит Н.М. Малов [Малов, 2010]. Остановимся на тех, которые представляются необходимыми для раскрытия данной темы.

Несколько работ посвящены юбилею – 25-летию научно-педагогической деятельности П.С. Рыкова [Третьяков, 1934]. Они поддержаны в традициях 1930-х гг. и подчеркивают, что в полную силу научный и организационный талант П.С. Рыкова смог развернуться только при советской власти. Его коллега М.Г. Худяков (1894–1936), оценивая заслуги П.С. Рыкова в развитии музейного дела, указывает, что «маленький Радищевский музей он смог превратить в мощный комбинат – целый комплекс музеев, с прекрасными коллекциями по местному краю, с крупными научно-исследовательскими силами, с хорошо налаженной хозяйственной частью. Огромный прирост и пополнение коллекций, их обработка и развертывание в экспозиции выдвинули П.С. Рыкова в число лучших музееведов СССР» [Худяков, 1935, с. 156]. Кроме того, П.С. Рыков создал в Саратове целую школу археологов [Малов, 2010, с. 767], которая, как отмечают современные исследователи, была в значительной мере уничтожена репрессиями [Малов, 2010, с. 768]. То, что П.С. Рыков смог создать целую научную школу, свидетельствует о его незаурядном не только научном и организационном, но и педагогическом таланте, о чем говорят и его ученики в публикации 1936 г. [Арзютов и др., 1936]. Потом следует длительный период молчания, когда труды врага народа не упоминаются даже в историографических частях специальных работ. Ученики П.С. Рыкова публикуют небольшую заметку об учителе на исходе хрущевской оттепели [Синицын, Степанов, 1964]. В 1986 г. выходит сборник работ памяти ученого, от-

крывающийся его биографией, без указания на трагический конец [Максимов, 1989]. В опубликованных в сборнике статьях высоко оценивается научная деятельность П.С. Рыкова, подчеркивается его высокий профессионализм как полевого исследователя и вклад в разработку истории края, в частности, выделение локальных археологических культур в считавшейся до этого единой срубной общности.

В работах, выходящих в постперестроечное время, Е.К. Максимов, Н.М. Малов, В.Г. Миронов обращаются к деятельности П.С. Рыкова [Волков, 2008, с. 9–10]. Отличительная черта этих трудов – введение в научный оборот новых источников, в том числе и архивных материалов как из государственных архивов, так и личного архива семьи П.С. Рыкова, представлявших Павла Сергеевича не только как ученого, но и как личность. Начиная с 2000-х гг. деятельность ученого всесторонне исследуется, в частности, в ракурсе такого современного направления, как музейная педагогика [Петрова, 2004]. В современной историографии уделено большое внимание периоду репрессий в СССР, разгрому краеведческого движения, в результате которых пострадали многие археологи, в том числе и П.С. Рыков [Малов, 2006]. Н.М. Малов тщательно проанализировал деятельность саратовских археологов, коллег и современников П.С. Рыкова, опираясь на архивные материалы. Но период 1924–1925 гг. не отложился подробно в материалах Государственного архива Саратовской области, которым пользовался исследователь [Малов, 2010; Малов, Павлова, 2010]. В 2009 г. вышел библиографический указатель, посвященный П.С. Рыкову, содержащий биографический очерк, архивные фотографии и список работ ученого. В указателе отмечается, что в научном архиве Саратовского областного музея краеведения хранятся материалы возглавляемого П.С. Рыковым музея начиная с 1925 г. [Павел Сергеевич Рыков, 2009]. Таким образом, наша работа освещает период в деятельности ученого до этого времени. В Курском и Саратовском университетах регулярно проводятся Рыковские чтения, в докладах раскрываются как археологические проблемы, которыми занимался ученый, так и новые факты его биографии [Малов, 1984]. К 140-летию П.С. Рыкова Государственным архивом новей-

шей истории Саратовской области была создана выставка документов, среди которых партийные учетные карточки П.С. Рыкова, его рукописная автобиография и список трудов [К 140-летию]. Вводя в научный оборот не использованные ранее исторические источники, мы продолжаем традицию опоры на архивные материалы при реконструкции малоизвестных страниц деятельности одного из первых советских археологов.

Сведения о биографии П.С. Рыкова в приведенной выше историографии даны довольно подробно, особенно в работах 2000-х гг., в которых вводились в научный оборот архивные материалы. Как показали новейшие исследования, П.С. Рыков родился в Москве в семье военного, что ученому приходилось скрывать по политическим соображениям [Малов, 2010, с. 768]. Он получил образование на историко-филологическом факультете Московского университета, одновременно обучаясь в Московском археологическом институте. Еще студентом работал в Историческом музее под руководством своего учителя В.А. Городцова (1860–1945). После переезда в Саратов Павел Сергеевич Рыков – «доцент (с 24 сентября 1920), профессор (с 1922), заведующий кафедрами археологии (с 24 сентября 1920) и древнего мира, заместитель декана (1923) и декан (1924–1927) исторического факультета (с 1935 по 1937), заместитель ректора (с 1927 по 1932), заместитель директора (с 1922) и директор (1923–1937) Археологического института (с 1924 – Саратовского института краеведения) <...> с 1922 заведовал Археологическим музеем, музейным отделом Саратовского ГУБОНО (1923–1925) и сектором науки Саратовского КрайОНО (1931–1933), был директором Саратовского государственного краевого музея (1923–1937) и председателем Общества краеведения (1926–1927)» [Малов, 2006, с. 9–10].

Документ, представляющий «Археологический отдел областного музея (бывший Историко-Архивный музей Саратовской ученой архивной комиссии)», датируется 1924 г. и содержит следующую информацию: «Основан в 80-х годах (с основанием Архивной Комиссии) [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 10)».

«Отделы:

1. Палеонтологии
2. Неолитической эпохи

3. Бронзовой эпохи

4. Культур ранней и средней поры железной эпохи

5. Золотоордынской культуры

Всего по инв[ентарной] Кн[иге]: 3175 №№

Примечание: особо ценны коллекции бронзовой эпохи и Золотой Орды.

Работа музея: производятся раскопки и обследования Саратовской Губернии» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 1].

В этом документе примечательно, во-первых, разделение коллекций отдела согласно последним достижениям тогдашней науки, во-вторых – четкое указание на число хранящихся экспонатов и наличие инвентарной книги. Несмотря на недавно завершившуюся Гражданскую войну, музей проводит археологические раскопки и разведки. С современной точки зрения представляется нелогичным наличие второго исторического отдела областного музея, который носил название «Исторический Музей» и был «реформирован из Отделения Историко-Археологического Музея бывшей Ученой архивной комиссии и Музея общественных движений.

Основан в 1917 году

Отделы:

1) Историко-революционный

2) Истории местного края

3) Нумизматики (несколько тысяч экземпляров)

4) Военный

5) Церковно-исторический» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 3].

Однако это является приметой времени – открытие историко-революционных отделов и целых музеев наряду с церковно-историческим, куда помещались ценности из закрывавшихся церквей и монастырей. Еще 2 января 1922 г. был издан декрет о ликвидации церковного имущества [Сорокина, 2015, с. 120].

Из подписанного П.С. Рыковым документа, озаглавленного «Справочные сведения по Саратовскому государственному областному музею», следует, что возник он в 1922/23 г. за счет объединения Радищевского, Чернышевского, Археологического и Этнографического музеев в г. Саратове и музея в г. Вольске. Штат музея был по тем временам хорошо укомплектован и составлял «18 научных и 8 технических работников» [ОПИ ГИМ. Ф. 54.

Оп. 1. Д. 907. Л. 8]. Наличие научных работников говорит о проведении научной работы в рамках музея. Впоследствии «по постановлению Президиума ВЦИК от 1 января 1934 г. в музеях была свернута исследовательская работа» [Шнирельман, 2024, с. 393].

Отделы музея располагались в разных зданиях, поэтому в 1926 г. П.С. Рыков активно ходатайствует «перед Саратовским Губисполкомом о предоставлении под краевые отделы Музея единого здания. Вопрос этот неоднократно ставился перед ГИК и получал благоприятное разрешение, которое, однако, не могло быть из-за жилищного кризиса проведено в жизнь» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 22].

Директор музея убеждает Москву обеспечить подготовку квалифицированных кадров: «В области усовершенствования и повышения квалификации научных и научно-технических сотрудников Музей предлагает принять меры, намеченные уже в текущем году, а именно, командировка сотрудников в центральные музеи Республики по специальности для ознакомления и изучения постановки музейного дела, с техникой обработки коллекций и т. д. Мера эта может быть проведена или при отпуске особых кредитов, или использовании некоторой части спецсредств» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 22]. В 1927 г. П.С. Рыков будет командирован в Германию для изучения музейного дела, его статьи будут выходить в *Eurasia septentrionalis antiqua*, что, как отмечал А.А. Формозов, само по себе могло стать поводом для репрессий [Формозов, 2004, с. 60].

Несмотря на активные действия, процент «изношенности музейного оборудования следует считать не менее как в 50–60, если принять во внимание Археологический отдел. Полки для коллекций изготовляют сами научные сотрудники, т.к. нет никакой возможности нанять достаточно удовлетворительных рабочих» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 22].

И в этих же непростых условиях П.С. Рыков говорит о возможности «развития краеведческой работы и обслуживания деревни. <...>. То же замечание относится к наименьшинствам. Этнографический и археологический отделы вели и будут вести такую работу» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 22]. Для П.С. Рыкова и его сотрудников археология не была «мертвой» наукой: они стреми-

лись использовать ее достижения для просвещения широких масс населения. В 1925 г. властью будут поставлены задачи, среди которых «обслуживание населения в просветительском отношении (включая сюда и работу по обслуживанию школ), содействие со стороны музеев выявлению естественных производительных сил страны и развитию народного хозяйства, кустарных промыслов, фабрично-заводской промышленности, торговли и т. п., хозяйственному и культурному росту национальных меньшинств, делу подготовки Красной Армии и ряду других практических задач в области государственного строительства и советской общестственности» [Музей и власть, 1991, с. 130].

Несмотря на недостаток средств, для П.С. Рыкова и его сотрудников «издательская деятельность представляется совершенно необходимой. Музей имеет большие материалы, опубликование коих весьма желательно. Так, могут быть напечатаны работы по Радищевскому музею – отделу областному музею, по археологическому и этнографическому отделам, а кроме того, по дому-музею Чернышевского. Музей намечает материалы до 20 п. л., считая здесь и путеводитель – до 5–8 п. л.» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 23].

При этом музей планирует археологические экспедиции в Заволжье, на что просит 1 100 рублей [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 31], что говорит о продолжении научной работы. И она активно ведется музеем: «В области научной – областной государственный музей может отметить за 1924–25 годы продолжающийся рост коллекций по всем отделам (приобретено в указанное время свыше 1 500 предметов). В качестве достижений Областной музей считает проведение ряда экскурсий и трех экспедиций, давших ценный материал, который получил высокую оценку со стороны посетителей и специалистов – неременного секретаря Всесоюзной Академии Наук С.Ф. Ольденбурга и известного археолога – профессора Гельсингфорского университета А.М. (фамилия не напечатана. – Ю. К.) и был выставлен для обозрения на археолого-этнографической выставке, организованной областным Музеем в здании археологического отдела» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 41]. Для координации научной работы в музее со-

здан специальный Совет Музея, который рекомендует в том числе и расстановку коллекций археологического отдела по принципу хронологической смены древних культур Нижнего Поволжья [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 41].

П.С. Рыков не представляет работы музея без научных исследований. «Саратовский областной государственный музей не получал средств на научные экспедиции, между тем как научная работа и рост коллекций его краевых отделов всецело зависят от материала, добытого экспедициями. Испрашиваемая сумма 2 910 руб. складывается из расходов на весьма ограниченное число экспедиций, а именно на 4 экспедиции: археологическую, этнографическую, историко-революционную и художественную» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 41].

В условиях недостатка средств музей, наряду с введением платного посещения отделов, планирует «реализацию музейного фонда, в частности, предметов немусейного значения, если продажа окажется целесообразной» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 43]. Практика изъятия музейных ценностей начинается еще в 1922 г. для продажи их на аукционах, для чего была создана специальная комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским [Музей и власть, 1991, с. 128].

О том, что археология для П.С. Рыкова не была «мертвой» наукой, свидетельствует «Руководство». Оно не датировано, и можно предположить, что предназначалось для студентов педагогического факультета Саратовского государственного университета.

Во введении к своему труду П.С. Рыков знакомит студентов с принципами археологической классификации, что открывало путь к осмыслению материала, формированию исторических выводов. Павел Сергеевич отмечал, что «в настоящее время все археологические памятники в известной степени удачно определяются и находят себе место в классификациях, построенных на принципе геологическом, типологическом и хронологическом. Одна из таких классификаций положена в основу размещения древностей и в нашем Музее, а именно классификация проф. В.А. Городцова. Мы здесь не будем излагать ее, она сама собою выяснится в дальнейшем» [ОПИ ГИМ.

Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 55]. Ученик В.А. Городцова П.С. Рыков оставался верен своему учителю в непростое время, когда начиналась борьба с «городцовщиной» и «вульгаризаторами-типизаторами», сам В.А. Городцов подвергался критике как «буржуазный типологист и формалист» [Антология советской археологии, 1995, с. 155]. Подобная верность была актом гражданского мужества, тем более тот факт, что в «вестибюле музея на стене помещена на двух листах хронологическая классификация, разработанная проф. В.А. Городцовым. Она дает посетителю общее понятие о последовательном развитии человеческой культуры с момента ее зарождения вплоть до усложнившихся ее форм» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 55].

Изложение в «Руководстве» ведется по отделам с указанием комнат, витрин и таблиц. Подобный справочный аппарат помогал студентам соотнести текст с реальными памятниками. Так, комната № 1 посвящена каменному периоду. П.С. Рыков знакомит студентов с новейшими для того времени достижениями в области исследования палеолита: «Вполне определенно его (палеолит. – Ю. К.) находят, например, в Воронежской губернии близ с. Костенок на Дону, а также в Самаре. Но в нашем крае на его жизнь могут лишь косвенно указывать находки сверленного и спиленного рогов оленя и лося, обнаруженные близ Саратова» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 55]. Исследования близ с. Костенки вел в то время П.П. Ефименко, приглашавший в личном письме П.С. Рыкова посетить его раскопки. Д.Н. Эдинг (1887–1946), с которым у П.С. Рыкова были дружеские отношения, предупреждал Павла Сергеевича о том, что П.П. Ефименко руководствуется не научными, а бюрократическими интересами [Малов, 2010, с. 770]. Но упоминание раскопок у с. Костенки говорит о том, что П.С. Рыков был в курсе современных достижений археологии и стремился сообщить о них студентам.

О широте кругозора П.С. Рыкова говорит объяснение студентам специфики неолитической эпохи, которая, по его словам, в Саратовском крае «не выявлена в тех формах, какие известны, например, на р. Оке, т.е. в Средней России или на Западе» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 55]. О знакомстве с

достижениями мировой археологии свидетельствует и замечание о том, что «бронзовая посуда находится не часто в сарматских Поволжских курганах, однако кастрюля из Петровского кургана точно соответствует таким же из Помпейских коллекций» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 60].

П.С. Рыков обладал не только обширными археологическими знаниями, но и высокой лингвистической компетентностью. Его «Руководство» содержит дефиниции терминов, с которыми профессор знакомит студентов параллельно с изложением материала: «В качестве наиболее ранних орудий, близких еще к палеолитической эпохе, следует считать так называемые микролитические, т.е. орудия весьма малых размеров и геометрической к тому же формы в виде треугольников, трапеций, сегментов и т. п.» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 55]. «Поверхность (неолитических. – Ю. К.) сосудов обильно покрывалась орнаментом, т.е. узором из линий, квадратов и кружков» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 56].

Знакомит он студентов и с существующими нерешенными проблемами, будя их мысль, заставляя задуматься: «Саратовский край дает весьма значительное количество грубо исполненных скребков различной величины и формы. Этот тип орудий почему-то был особенно широко распространен в приволжских местностях (К1. Таб. 3292, 3297)» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 56].

П.С. Рыков приучает своих слушателей делать выводы из археологического материала: «Собираемые черепки от таких сосудов имеют большое научное значение, как произведения человека, обладавшего известными склонностями к искусству. На основании изучения орнаментов можно судить о том или ином распространении определенной культуры» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 56]. Говоря о начале бронзового века, Павел Сергеевич отмечает, что «каменные топоры часто подражают уже металлическим, будучи изготовляемы весьма искусно, а это, в свою очередь, свидетельствует иногда о центрах вполне развитой старой культуры, обладающей высокой техникой производства» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 57].

П.С. Рыков уважительно относится к достижениям российских археологов прошло-

го, но стремится внушить слушателям необходимость проведения планомерных раскопок, не употребляя термин «археологический комплекс», но фактически давая студентам представление о нем: «При этом следует отметить, что до революции уже были собраны очень интересные и важные находки, характеризующие край, но, главным образом, находки носили характер случайный, не связанный с раскопками, которые только и могут дать настоящее освещение найденным вещам, установить их взаимную связь и культурную преемственность. Позже удалось наладить более последовательную работу, и производство раскопок стало одной из главных задач Музея» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 56].

Рассказывая о срубной культуре, П.С. Рыков описывает свои раскопки у г. Петровска, знакомя студентов как с конкретным материалом [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 57], так и со своими теоретическими достижениями – выделением «Хвалынской» культуры внутри срубной общности [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 57]. Он учит студентов проводить широкие обобщения: «Сейминская культура, открытая в Нижегородской губернии, довольно хорошо изучена и хронологически определена, а это дало возможность определять с большей достоверностью и нашу “Хвалынскую” культуру Нижнего Поволжья как связанную с ней. В витрине № 5 помещены не менее важные вещи из клада, найденного близ с. Сосновой Мазы Хвалынского уезда, в котором оказались свыше 60 предметов» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 5].

В таком произведении чисто педагогического свойства, как «Руководство», П.С. Рыков демонстрирует дар научного предвидения. Так, говоря об эпохе металла, он предполагает, что «сначала человек ознакомился с золотом, а позже и с медью, которая стала главным материалом для работы» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 56]. Об ауrolите как начале палеометаллической эпохи ученые пишут только в последние годы [Щапова, 2012].

Для П.С. Рыкова характерно эмоциональное отношение к памятникам и использование лексики, свойственной археологам прошлого: топоры ямной культуры он называет «топорами *изящных* (здесь и далее курсив наш. – Ю. К.) форм» [ОПИ ГИМ. Ф. 54.

Оп. 1. Д. 907. Л. 56], говорит, что «наиболее характерным предметом здесь следует назвать *изящный* бронзовый наконечник копья “сейминского” типа» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 58], упоминает финский «костяной наконечник стрелы *изящной* работы» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 61]. Относительно завершения бронзового века в Нижнем Поволжье, П.С. Рыков дает не только полную, но и эмоциональную реконструкцию прошлого, призванную увлечь студентов: «Эпоха эта, несомненно, была богатой и население достаточно велико, так как значительное число населенных тогда пунктов об этом свидетельствует совершенно очевидно. Земледелие, скотоводство, металлургия, плотничье ремесло, гончарство были широко развиты, и можете быть уверенным, что край находился в то отдаленное от нас время в цветущем состоянии» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 59].

П.С. Рыков даже на ограниченном материале старается обратить внимание студентов на особенности скифской культуры: «Характерным признаком скифских кинжалов и мечей следует считать своеобразную форму перекрестья в виде крыльев бабочки. <...> характерным признаком являются трехгранные формы (стрел. – Ю. К.) с втулками насада на древки. Не менее важным предметом считают скифского типа котлы с округлыми днищами» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 59].

Давая подробное описание сарматской культуры, П.С. Рыков указывает на ее продолжение в культуре алан и приводит конкретный пример из собственной археологической работы – погребение в кургане близ г. Покровска, отмечает характерную черту культуры сарматов – железные стрелы, дает сравнительную характеристику скифских и сарматских мечей, обращая внимание студентов на то, что последние отличаются от скифских «прямой перекалиной или перекрестьем и кольцевидным навершием эфеса (см. № 3343, 3399 и др.)» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 60].

Особый раздел «Руководства» посвящен финской культуре, что само по себе примечательно. С обострением советско-финских отношений подобные исследования будут прекращены [Шнирельман, 2024, с. 236].

Говоря о так называемой «текстильной» керамике, П.С. Рыков указывает, что «характерным признаком посуды той эпохи, датируемой 8–6 в. до начала н.э. и несколькими столетиями позже нее, является особый тип орнамента, так называемого печатного, т.е. дающего отпечатки рогож, тканей и сетей. Впрочем, опыт, произведенный музеем, показал, что орнамент этот наносился твердым инструментом» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 60]. Кроме упоминаемого выше стремления ознакомить студентов с археологической терминологией и термилируемыми реалиями, П.С. Рыков говорит о проводимых опытах по реконструкции древних технологий, что было ново для того времени. Примечательно указание на «твердый инструмент»: как показывают современные исследования, в качестве такого инструмента использовались объединенные белками шишки [Лопатина, 2017]. То есть и здесь Павлу Сергеевичу не изменил его дар научного предвидения.

П.С. Рыков учит своих студентов сочетать археологический материал и различные виды источников. Демонстрируя, как использовать письменные источники, описав костяные наконечники, отнесенные им к финской культуре, он указывает на замечание Тацита о северных племенах, делающих стрелы из кости [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 61], а упомянув Старый Яблоновский могильник XVIII в., отмечает, что «здесь мы имеем возможность объединить предметы археологического значения с предметами этнографического характера» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 61].

В разделе о золотоордынской культуре идет рассказ о находках в городе Укаке, чему предшествует обширная историческая реконструкция: «Одно время на Укаке, при Токтогу хане, существовал даже монетный двор, где чеканилась монета этого хана с надписью на решетке монет: “чекан Укака”. В связи с торговлей на Укаке развилась местная промышленность — массовая выработка простой глиняной, но высокого качества посуды, выделка так называемого фаянса с белой, голубой и синей поливой, отливки стеклянных инкрустированных бус, колец и пуговиц. И литейно-металлический промысел — отливка бронзовых

и серебряных украшений, которые употреблялись не только местным населением, но и вывозились, вероятно, в прилегающие погранично области — Рязанское княжество и Мордовские земли» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 63]. В «Руководстве» говорится о том, какие выводы можно сделать из имеющихся коллекций, расположенных в трех комнатах отдела. «Собранные во всех трех комнатах коллекции дают материал для суждения:

- 1) о городских жилищах той эпохи, их характере и обстановке
- 2) об одежде, обуви и туалетных украшениях
- 3) о детских игрушках, музыке и существовании культов
- 4) о предметах хозяйственной обстановки (посуда)
- 5) о предметах промышленности и торговли (инструменты, монеты и прочее)
- 6) о предметах вооружения» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 63].

Обучая студентов интерпретации материала, П.С. Рыков указывает на находки керамических водопроводов в стенах зданий как свидетельство высокой культуры населения города и опять опирается на письменные источники, в частности, сообщение Ибн-Батуты. Он сопровождал «жену хана Узбека в Византию и, когда проезжал Укак, отмечал этот город в своих записках: городок этот средней величины, но красивой застройки, с обильными благами» [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 63]. «Руководство» не имеет заключения и оканчивается описанием отдельных артефактов золотоордынской эпохи [ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 907. Л. 64].

Выводы

Вводимые в научный оборот архивные материалы дополняют биографию П.С. Рыкова и картину развития музейного дела в России в первое десятилетие советской власти. П.С. Рыков предстает как талантливый археолог и прекрасный организатор, сумевший сплотить вокруг себя коллектив единомышленников. Под его руководством в годы разрухи после Гражданской войны Саратовский музей проводит археологические экспедиции, печатает материалы и путеводители, органи-

зует выставки и экскурсии. Для Павла Сергеевича археология тесно связана с жизнью, поэтому он видит необходимость не только выполнять директивы руководства, но и интересовывать сельское население края и, как тогда говорили, «нацменьшинства» древнейшей историей Поволжья.

Руководимый им музей не избежал трудностей, переживаемых страной, и особенностей музейной политики власти: продажа предметов «немусейного фонда» вскоре превратится в распространенную практику, и поток древностей, в том числе и археологических, уходящих в частные руки и за границу, будет только расти.

П.С. Рыков не только видел в археологических раскопках одно из основных направлений деятельности музея и его археологического отдела, но и внимательно относился к преподаванию археологии на материале археологического отдела. Сравнительно небольшое популярное «Руководство» для студентов отличается высоким для того времени научным уровнем. В его основу положены принципы археологической классификации, разработанные учителем Павла Сергеевича В.А. Городцовым, которого уже в те годы обвиняли в «буржуазном формализме». Построение по разработанным учителем принципам структуры экспозиции отдела и преподавание этих принципов студентам требовали не только научной порядочности, но и гражданского мужества.

Ученый учил своих студентов мыслить и делать исторические реконструкции на основе археологических материалов, использовать письменные и этнографические источники в своих построениях. Обладая широким научным кругозором, профессор знакомил студентов с новейшими достижениями археологии, как советской, так и зарубежной. Древнее прошлое Саратовского края рассматривается им в контексте общего развития археологии, иллюстрируется конкретными примерами из раскопок – своих и коллег. При этом П.С. Рыков с уважением относится к дорево-

люционным ученым, что выгодно отличает его от того же М.Г. Худякова [Формозов, 2004, с. 61]. Павел Сергеевич пытается дать своим студентам понятие археологического комплекса и культурного слоя, познакомить с основными археологическими терминами. В тексте прослеживается свойственный ученому дар научного предвидения, в том числе и в использовании технологических реконструкций. Для его научного языка характерна образность и эмоциональность, а для подготовленного им «Руководства» – доходчивый справочный аппарат.

Характеризуя следующий за рассматриваемым в нашей работе этап в развитии советской археологии, А.А. Формозов дал ему яркое название «Разгром» [Формозов, 2004]. Действительно, будет разгромлено краеведческое движение, охрана культурного наследия приравняется к контрреволюционному деянию [Шнирельман, 2024, с. 371]. «С 1928–1929 гг. началась реорганизация музеев с целью сделать их рупором коммунистической пропаганды, о чем прямо говорилось в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР “О музейном строительстве РСФСР” от 20 августа 1928 г., в декабре 1930 г. Первый всероссийский музейный съезд потребовал отказаться от “безыдейного вещизма”» [Шнирельман, 2024, с. 376].

П.С. Рыков будет арестован в 1938 г., приговорен к 10 годам лагерей и погибнет в 1942 г. в Дальлаге, по официальному заключению – от воспаления легких [Малов, 2010, с. 772], по свидетельству очевидцев – от отравления [Формозов, 2004, с. 211]. Будут подвергнуты репрессиям многие коллеги и ученики П.С. Рыкова, из библиотек будут изыматься его научные работы, число которых до сих пор не установлено, по последним данным – порядка 90 публикаций [Малов, 2010, с. 772]. В наши дни, как отмечено выше, имя выдающегося российского археолога и его наследие возвращается научному сообществу. Дополнением к научному и гражданскому облику ученого призвана стать и наша статья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология советской археологии, 1995. Т. 1 : 1917–1933. М. : ИА РАН: ГИМ. 172 с.
- Арзютов Н. К., Сеницын И. В., Сушицкий В. А., 1936. 25-летие научно-педагогической и общественной деятельности проф. П. С. Рыкова // Известия Саратовского нижеволжского института краеведения. Т. 7. Саратов : Саратов. краев. изд-во. С. 5–8.
- Волков В. А., 2008. Археологическая деятельность научных обществ Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов. 28 с.
- Генинг В. Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии. Киев : Наукова думка. 225 с.
- К 140-летию со дня рождения профессора П.С. Рыкова // Областное государственное учреждение Государственный архив новейшей истории Саратовской области. URL: <https://ogu-ganiso.ru/ex-13.html>
- Клейн Л. С., 2014. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб. : Евразия. Т. 1. 704 с.
- Лебедев Г. С., 1992. История отечественной археологии, 1700–1917 гг. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 463 с.
- Лопатина О. А., 2017. Текстильные отпечатки на древней керамике: проблемы интерпретации // Российская археология. № 1. С. 168–179.
- Максимов Е. К., 1989. Павел Сергеевич Рыков: (К 100-летию со дня рождения) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов : Науч. кн. С. 3–11.
- Малов Н. М., 1984. Рыковские чтения // Ленинский путь. № 34 (1663). С. 2.
- Малов Н. М., 2006. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов : Науч. кн. С. 4–28.
- Малов Н. М., 2010. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков: к 125-летию со дня рождения // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М. : Гриф и К. С. 767–798.
- Малов Н. М., Павлова Л. С., 2010. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета // История и историческая память. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 12–18.
- Музей и власть, 1991. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). М. : Науч.-исслед. ин-т культуры. 322 с.
- Павел Сергеевич Рыков (1884–1942), 2009. Библиографический указатель. Саратов : Зонал. науч. б-ка СГУ. 32 с.
- Петрова Н. Ф., 2004. Музейная педагогика профессора П.С. Рыкова: (к 120-летию со дня рождения) // Туризм и культурное наследие. Вып. 2. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 207–216.
- Пряхин А. Д., 1986. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 284 с.
- Сеницын И. В., Степанов П. Д., 1964. Памяти Павла Сергеевича Рыкова // Современная археология. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. Вып. 1. С. 126–130.
- Сорокина И. А., 2015. Государственная система управления культурным наследием и наукой в 1921–1925 годах // Очерки истории отечественной археологии. М. : ИА РАН. С. 119–135.
- Третьяков П. Н., 1934. 25-летие научно-педагогической деятельности проф. П.С. Рыкова // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 11/12. С. 153–154.
- Формозов А. А., 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. М. : Знак. 315 с.
- Худяков М. Г., 1935. 25-летие научной деятельности проф. П.С. Рыкова // Советская этнография. № 2. С. 155–158.
- Шнирельман В. А., 2024. В погоне за предками: этногенез и политика. М. ; СПб. : Нестор-История. 624 с.
- Щапова Ю. Л., 2012. «Золотой век» в истории человечества – миф или реальность? // Специфика ценологических представлений разных школ. Ценологические исследования. Вып. 46. М. : Технетика. С. 107–123.

REFERENCES

Antologiya sovetskoy arkheologii [Anthology of Soviet Archeology], 1995. Vol. 1: 1917–1933. Moscow, IA RAS, SHM. 172 p.

- Arzyutov N.K., Sinitsyn I.V., Sushitskiy V.A., 1936. 25-letie nauchno-pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatel'nosti prof. P.S. Rykova [The 25th Anniversary of the Scientific, Pedagogical and Social Activities of Professor P.S. Rykov]. *Izvestiya Saratovskogo nizhnevolzhskogo instituta kraevedeniya* [Proceedings of the Saratov Lower Volga Institute of Local Lore], vol. 7. Saratov, Saratovskoe kraevoe izdatel'stvo Publ., pp. 5-8.
- Volkov V.A., 2008. *Arkheologicheskaya deyatel'nost' nauchnykh obshchestv Nizhnego Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Archaeological Activity of Scientific Societies of the Lower Volga Region in the Late 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saratov. 28 p.
- Gening V.F., 1982. *Ocherki po istorii sovetskoy arkheologii* [Essays on the History of Soviet Archeology]. Kiev, Naukova dumka Publ. 225 p.
- K 140-letiyu so dnya rozhdeniya professora P.S. Rykova [On the 140th Anniversary of the Birth of Professor P.S. Rykov]. URL: <https://ogu-ganiso.ru/ex-13.html>
- Klein L.S., 2014. *Istoriya Rossiyskoy arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti* [The History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and Personalities]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., vol. 1. 704 p.
- Lebedev G.S., 1992. *Istoriya otechestvennoy arkheologii, 1700–1917 gg.* [The History of Russian Archeology, 1700–1917]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University. 463 p.
- Lopatina O.A., 2017. Tekstilnye otpechatki na drevney keramike: problemy interpretatsii [Textile Imprints on Early Pottery: Issues of Interpretation]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 168-179.
- Maksimov E.K., 1989. Pavel Sergeevich Rykov: (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Pavel Sergeyevich Rykov: (On the Occasion of the 100th Anniversary of his Birth)]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [Archeology of the East European Steppe]. Saratov, Nauch. kn. Publ., pp. 3-11.
- Malov N.M., 1984. Rykovskie chteniya [Rykov Readings]. *Leninskiy put* [Lenin's Way], no. 34 (1663), p. 2.
- Malov N.M., 2006. Sovetskaya arkheologiya v Saratovskom gosudarstvennom universitete (1918–1940 gg.): organizatsionnoe stanovlenie, razvitiye i repressii [Soviet Archaeology at Saratov State University (1918–1940): Organizational Formation, Development and Repression]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [Archeology of the East European Steppe]. Saratov, Nauch. kn. Publ., pp. 4-28.
- Malov N.M., 2010. Sovetskiy arkheolog Pavel Sergeevich Rykov: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya [Soviet Archaeologist Pavel Sergeevich Rykov: On the 125th Anniversary of his Birth]. *Chelovek i drevnosti: pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)* [Man and Antiquities: in Memory of Alexander Alexandrovich Formozov (1928–2009)]. Moscow, Grif and K. Publ., pp. 767-798.
- Malov N.M., Pavlova L.S., 2010. Professor Pavel Sergeevich Rykov – pervyy dekan istoricheskogo fakulteta Saratovskogo universiteta [Professor Pavel Sergeyevich Rykov is the first Dean of the History Faculty of Saratov University]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat* [History and Historical Memory], iss. 1. Saratov, SSU, pp. 12-18.
- Muzej i vlast'. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela (XVIII–XX vv.)* [Museum and Power. State Policy in the Field of Museum Business (18th–20th Centuries), 1991. Moscow, Scientific Research Institute of Culture. 322 p.
- Pavel Sergeevich Rykov (1884–1942). Biobibliograficheskiy ukazatel* [Bio-Bibliographic Index], 2009. Saratov, SSU. 32 p.
- Petrova N.F., 2004. Muzeynaya pedagogika professora P.S. Rykova: (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya) [Museum Pedagogy of Professor P.S. Rykov: (On the 120th Anniversary of his Birth)]. *Turizm i kul'turnoe nasledie* [Tourism and Cultural Heritage], iss. 2. Saratov, SSU, pp. 207-216.
- Pryakhin A.D., 1986. *Istoriya sovetskoy arkheologii (1917 – seredina 30-h gg.)* [The History of Soviet Archeology (1917-mid-30s)]. Voronezh, VSU. 284 p.
- Sinitsyn I.V., Stepanov P.D., 1964. Pamyati Pavla Sergeevicha Rykova [In Memory of Pavel Sergeyevich Rykov]. *Sovremennaya arkheologiya* [Modern Archaeology], iss. 1. Saratov, SSU, pp. 126-130.
- Sorokina I.A., 2015. Gosudarstvennaya sistema upravleniya kul'turnym naslediem i naukoy v 1921–1925 godax [The State Management System of Cultural Heritage and Science in 1921–1925]. *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Essays on the History of Russian Archeology]. Moscow, IA RAS, pp. 119-135.
- Tretyakov P. N., 1934. 25-letie nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti prof. P.S. Rykova [The 25th Anniversary of the Scientific and Pedagogical Activity of Professor P.S. Rykov]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the History of Pre-Capitalist Societies], no. 11/12, pp. 153-154.
- Formozov A.A., 2004. *Russkie arkheologi v period totalitarizma* [Russian Archaeologists in the Period of Totalitarianism]. Moscow, Znack Publ. 315 p.

- Khudyakov M.G., 1935. 25-letie nauchnoy deyatel'nosti prof. P.S. Rykova [The 25th Anniversary of the Scientific Activity of Professor P.S. Rykov]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 2, pp. 155-158.
- Shnirelman V.A., 2024. *V pogone za predkami: etnogenez i politika* [In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 624 p.
- Schapova Yu.L., 2012. «Zolotoy vek» v istorii chelovechestva – mif ili realnost? [Is the “Golden Age” in Human History a Myth or a Reality?]. *Spetsifika tsenologicheskikh predstavleniy raznykh shkol. Tsenologicheskie issledovaniya* [The Specifics of the Cenological Representations of Different Schools. Cenological Research], iss. 46. Moscow, Technetika Publ., pp. 107-123.

Information About the Author

Yulia G. Kokorina, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Humanities, Moscow Polytechnic University, Bolshaya Semyonovskaya St, 38, 107023 Moscow, Russian Federation, kokorina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2496-3958>

Информация об авторе

Юлия Георгиевна Кокорина, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Московский политехнический университет, ул. Большая Семеновская, 38, 107023 г. Москва, Российская Федерация, kokorina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2496-3958>